
Литературоведение

УДК 82. 0 (470. 6)

ББК 83. 002. 18 (235. 7)

Б 91

Бурнусузян А.П.

Аспирант кафедры литературы и методики ее преподавания Армавирской государственной педагогической академии, e-mail: araksiya.k@mail.ru

Северокавказский мир и Россия: семиотика самоузнавания (Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается культурно-историческая взаимосвязь двух миров – России и Кавказа – и ее влияние на художественную культуру друг друга и литературу, в частности. Акцентируется внимание на необходимости понимания национальной принадлежности человека не как разделяющего фактора, а мотива положительного интереса к своеобразию другой культуры, понимания того, что Кавказ – часть великой Российской Империи. Приводятся примеры отражения данных положений в творчестве Исхака Машбаша, как одного из талантливых представителей плеяды писателей северокавказской литературы.

Ключевые слова:

Кавказский дом, малая Родина, «свое», «чужое», национальное, этническое, державное чувство.

Burnusuzyan A.P.

Post-graduate student of Department of Literature and Technique of its Teaching, the Armavir State Pedagogical Academy, e-mail: araksiya.k@mail.ru

Northcaucasian world and Russia: semiotics of self-recognition

Abstract:

The paper discusses the cultural and historical interinfluence of two cultural spaces, of Russia and the Caucasus, in particular their influence on literature. The main accent is made on the importance of understanding the national character, culture of the Caucasians, their patriotism and understanding that the Caucasus is the great part of Russia. Two civilizations form the united language, keeping originality of their cultures. In the paper, there are a lot of illustrative examples from works of Iskhak Mashbash, one of the most talented representatives of the North Caucasian literature.

Keywords:

Caucasian house, small native land, «one's own», «another's», national, ethnic, patriotism.

Связи России и народов Кавказа имеют длительную историю. Следует отметить, что в геополитической истории России важные этапы в развитии ее государственности отмечены моментами, имевшими «кавказский акцент». Среди них относящиеся к самым разным временам российской истории контакты ки-

евского князя Владимира I с христианскими зихами (предками современных адыгов) накануне принятия им православия и крещения всей Руси [1: 182]; отраженная в летописи в виде рассказа о поединке князя Мстислава Удалого с кавказским витязем Редедей история русско-адыгского княжества на Тамани, владение которым позволило Мстиславу успешно соперничать с его державным братом, Ярославом, по прозвищу Мудрый [2:50]; брачный союз князя Юрия Андреевича (сына великого князя Владимирского и всей Руси Андрея Боголюбского) с грузинской царицей Тамарой [3: 553]. Напомним, что объявление русским самодержцем Иваном IV себя «царем Всея Руси», последовавшее после овладения волжскими столицами Казанью и Астраханью (1552-1554), имело место почти одновременно с его женитьбой на дочери верховного князя Кабарды (1557), а принятие Петром I императорского титула в 1721 г. близко по времени с Персидским походом 1722-1723 гг., прошедшим по землям Дагестана и Азербайджана. Еще в 1589 г. Кавказ был провозглашен сферой государственных интересов России, когда русский царь стал именовать себя «Государем Иверские земли и подданства рядом северокавказских и дагестанских властителей» [4: 33].

Влияние русской культуры на художественную культуру народов Северного Кавказа отразилось на уровне развития всех видов искусств. Упоминания о Кавказе содержатся в одах М.В. Ломоносова, стихотворной повести «Бова» А.Н. Радищева и его поэме «Песнь историческая». Кавказу посвящены «Стихи на покорение Дербента» и ода «На возвращение из Персии через Кавказские горы графа В.А. Зубова» Г.Р. Державина, который первым в русской поэзии описал красоту кавказской природы.

Тема Кавказа, кавказской культуры нашла свое отражение в творчестве великих русских писателей и поэтов XIX века. Лучшие произведения романтической

поры А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова посвящены Кавказу: «Кавказский пленник», «Мцыри», «Грузинская песнь», «Черкешенка», «Кавказу», «Утро на Кавказе», «Дары Терека», «Демон» и др.

Интерес к культурно-историческому диалогу России и Кавказа на протяжении двух последних веков активно поддерживается и в отечественной историософии, публицистике. Достаточно назвать такие работы, как «Этнографические очерки Аргунского округа» А.П. Ипполитова (1850); «Описание военных действий в 1839 г. в Северном Дагестане» Д.Милютин (1850); «Адаты и судопроизводство по ним» А.В. Комарова (1868); «Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории» Е. Маркова (1887); «Кавказская война» В.А. Потто (1894); «Дневник русского солдата, бывшего десять месяцев в плену у чеченцев» С.Беляева (1871); «Материалы для истории Кавказской войны» А.Л. Зиссирмана (1872); «Начало мюридизма на Кавказе» М.Б.Лобанова-Ростовского (1865) и мн.др. Данные работы свидетельствуют о том, что вниманием исследователей-историков, очеркистов, мемуаристов, политических и культурных деятелей были охвачены важные стороны взаимодействия двух цивилизаций – кавказской и российской: общественно-политическая, героико-эпическая, этнографическая, религиозная.

Изменилась геополитическая обстановка в мире, иными стали ценностные ориентиры общественно-политического, духовного, религиозно-нравственного порядка. Но острота взаимодействия двух миров – России и Кавказа – обретает на сегодняшний день особую актуальность, на которую не могут не реагировать современная литература, аналитико-официальная и журнально-публицистическая мысль.

Резкий скачок миграции с Кавказа на собственно российскую территорию стал результатом резкого упадка уровня жизни на родных землях, от дестабилиза-

ции социальной жизни до актуализации всех потенциальных межгрупповых конфликтов и существования очагов постоянных военных действий. Это одна сторона явления. Вторая заключается в том, что распад СССР не вызвал исчезновения общего геополитического пространства страны, но сократил его, втянув на российскую территорию большое число самодостаточного населения ставших независимыми закавказских республик.

Независимо от того, разделяет или нет данный тезис современное сознание россиян, представители народов Кавказа, как и выходцы из других регионов страны и не только ее, являются частью ландшафта формирующегося общества, в котором национальная принадлежность человека не будет являться разделяющим людей признаком, а мотивом положительного интереса к своеобразию другой культуры. Возможно, сейчас трудно поверить в реальность мира, построенного на таких отношениях, но, если сегодня не обращать внимание на значимость национальной культуры другого, то восприятие «другого» легко будет трансформироваться в восприятие «чужого».

В любой национальной культуре присутствуют элементы вклада в мировую цивилизацию или в культуру соседей, знание этого вклада должно стать достоянием массового сознания. По критерию создания оригинальной культуры, внесшей большой вклад в мировую и российскую цивилизацию народами Кавказа, их позиция среди этносов мира может быть оценена очень высоко, и в этом состоит один из важных аспектов этнокультурного феномена региона, называемого «мостом» между Европой и Азией.

Сегодня в атмосфере нарастающего этноцентризма все чаще этническая доминанта расшифровывается как высшая позитивная ценность, как авторитетная установка, определяющая особенности нового культурного и художественного стиля. Апелляция к энергетике эт-

ничности как организующему центру и логическому фокусу национальной культуры оборачивается восприятием «национального» как перманентного воспроизводства «этнического».

Если мир произведения – мир становящийся, то в движении от «текста» к «художественной ценности», в динамике развертывания смысла различимы уровни воплощения национального. Когда-то Н. Гоголь четко сформулировал существо классической оппозиции: «не в описание сарафана, но в самом духе народа». Сейчас мы понимаем, что «дух» не исключает «сарафана», но требует меры этого описания. Поучительно вспомнить и гоголевскую отповедь тем «всесветным преобразователям», которые не умеют «отличать жизненных особенностей, никогда не уступаемых народом, от тех, с которыми он может расстаться, не уничтожая себя как народ» [5: 69]. Сквозь эмблематическую стабильность «сарафана» подлинная литература высвечивает задачи «духа», отстаивая вневременную содержательность «никогда не уступаемых» ценностей и поэтому улавливая глубокий ток национального бытия.

Какие тенденции преобладают в социально-психологических коллизиях Южного региона, в сердцах и душах пишущих и читающих? Судя по последним вещам И.Машбаша, В.Чуяко, А.Хагурова, проекция Нового Кавказского Дома как органической части исторической России, где оппозиция «Малая родина» – «Большой мир» разрешается в динамике самоузнавания. И еще – все нарастающий лейтмотив «кавказского державного человека», выступающего не только житейской скрепой обустройствающегося бытия, но и новым субъектом новейшей отечественной истории.

Что общего сегодня имеют литературный Краснодар и Майкоп. Новороссийск и Сухуми, Армавир и, скажем, тот же Грозный? А то, что они были и остаются живыми частями великой Россий-

ской империи и, несмотря на социально-политические коллизии, интегрируют Мир, а вместе с этим выполняют и чисто семантическую задачу: выплавляют из конгломерата составляющих их народов единый язык, тот значимый для всех единый культурный код, который одухотворяет действительность, делает ее Текстом, доступным для всех и самоидентифицирующим всех.

Уместно ли в нынешнем «режиме самоопределения» вести речь о возрождающихся тенденциях новой державной семиотики? Представляется, что не просто уместно, а и необходимо. Державное чувство, пронизывающее многонациональный Русский Мир, получает мощную поддержку от каждого народа, пытающегося жить по-своему и не утаившего драгоценного дара своеобразия. Несомненно, Кубань и Кавказ никогда не были абсолютно прозрачными и постоянно порождали такого плана непредвиденные «ракурсы», которые понуждали мотивировать их специфичность извечностью русско-кавказского синдрома. Но, по большому счету, за учреждением «независимого статуса» всегда сияла идея метафизического Братства, Духовного Родства.

Кубань и Кавказ движутся в режиме «самопритяжения». Просвещенный ЕвроФорм усматривает в этом рецидив «опасной хвори» и нежелательного «стратегического заблуждения». Однако особенность именно данной продержавной парадигмы исчерпывающе передает достопамятное наблюдение легендарного наместника Н.Ф. Паскевича: «Когда мы на кавказском фланге мыслим не сокровенно, то есть не как родные, нами играет дьявол...».

Россия и Кавказ – основополагающие категории классической пространственной модели, которые обеспечивают иерархическое устройство физического и нравственного состояния Большого мира. В культуре XX века идея амбивалентности (в целом продуктивная) подчас приводила к девальвации высоких духовных

норм, придавала проблеме смещенный характер и нередко смешивала добро и зло в стихии эмоционально-экспрессивного неразличения.

Подобно толстовскому Хаджи-Мурату, писатели Северного Кавказа сопротивляются тенденциям обезличивания как западной, так и сублимировано-восточной. Противятся они и либеральной общероссийской экспансии, когда та становится агрессивно-насыщенной псевдо-цивилизованным новшеством, превращается из русского сакрализованного подвижничества в мероприятие наставительного характера.

Вообще, созидание художественной ценности предполагает не только отражение, трансляцию, но и процесс осмысления-переосмысления. Творческая природа авторского видения выявляется в сфере отношения, которое может быть многовариантным – аналитическим, как, например, в творчестве А.Евтыха, или эмоционально-экспрессивным, как в «Хан-Гирее» или «Жерновах» Исхака Машбаша, где эстетизируется кодекс национальной этики, где художественная версия национальной историософии формируется на основе неожиданного сплава были и небыли, факта и вымысла. Поэтизация и даже идеализация национальной идеи несут в себе черты субъективно-психологического обыгрывания ценностных установок, в совокупности образующих мир национальной самобытности.

В интервью «Вольной Кубани» Исхак Машбаш выразил не просто «взгляд», но представил весь объем той сложной системы, что носит имя национальной и творческой «Свободы развития». «Я хочу, - поделился писатель сокровенными мыслями 21 декабря 2001 г., - донести в XXI век глас адыгского народа X века, рассказать о судьбах наших предков – касогов, зихов, меотов, о знаменитом касожском князе Редее, герое, упомянутом еще в «Повести временных лет» и в «Слове о полку Игореве». Но главное

– ответить на важнейший вопрос: что же помогло адыгскому народу за столько веков существования сохраниться, не сойти с исторической сцены, как случилось со многими даже могущественными народами того времени, составляющими, к примеру, Хазарский каганат и Ассирийское государство? Наверное, то, что еще в древние времена были заложены мудрые обычаи, традиции и народный этикет, носителями которых были наши предки. А мы, как ни печально, на рубеже XX и XXI веков разрушаем и забываем их.

И второе. Когда я слышу неуважительное отношение к стране в высказываниях типа «в ЭТОМ государстве», «в ЭТОЙ стране», мне хочется спросить, неужели вместо «в моем доме», «в моей семье» вы говорите «в этом доме», «в этой семье»?

Вот почему в своих романах я всем читателям и прежде всего адыгам хочу сказать, что Российское государство неделимо. И это – НАША страна! Мы, весь наш народ, тоже за многие века вложили в нее свои печали, радости и слезы. Хочу также рассказать, что после адыгского князя Редеди пошли такие знаменитые дворянские фамилии, как Редеди, Трубецкие, Ушаковы. Кстати, всемирно известный адмирал Ушаков является прямым потомком Редеди. Хочу напомнить, что в строительстве Русского государства времен Ивана Грозного, Бориса Годунова и позже участвовали более одиннадцати воевод из адыгов. Сказать, что мы в ответе за наше государство, а не за «ЭТО» государство. **МЫ ВСЕ в ОТВЕТЕ!** Да, **МЫ – ТОЖЕ!** Вот такие два вопроса я ставлю и тут же решаю. Вот с такими мыслями я прихожу в XXI век».

В контексте приведенного интервью необходимо отметить: в Машбаше живет дух не только всей Адыгеи, а и всего Кавказа, всей России. На вопрос, как писатель конкретно создает свои исторические полотна, Машбаш отвечает: «Процесс очень прост. Первоначально мои

вещи строго документальны, состоят из архивных материалов. В своих романах я описываю подлинные события и показываю подлинных героев, живших очень давно. Прежде чем взять в руки перо, я обязательно должен знать начало и конец события, явно представлять канву произведения, без этого знания за стол не сажусь. Бывает, конечно, что в процессе сочинения герои сами начинают диктовать свои поступки и действовать по собственной воле (иногда я это вижу и во сне). Я соглашаюсь с ними на какое-то время. Но основную идею, основной стержень, обусловленный «памятью истории», выдерживаю, до конца».

Ведущей типологической чертой эволюции русской и северо-кавказской художественно-эстетической мысли является движение общечеловеческого идеала от проявления абстрактно-элитарных свойств (Аристотель, Аквинский, Хатченсон) в сторону обретения общественно-гражданского пафоса (Дидро, Руссо, Кант, Гегель). Выделяя регулятивную функцию этики и этикета адыгов как основу духовной культуры, Исхак Машбаш всей образной системой своих произведений подчеркивает, что «последние в процессе тысячелетнего формирования обрели сущность и функции философии бытия» [6: 28].

В этой связи представляется, что литература Северного Кавказа, как и сам народ, являются лакмусовой бумагой, отражающей то огромное пространство, которое называют Россией. До тех пор, пока эта литература жива, пока народы сопротивляются тенденциям обезличивания, жива сама Россия, ее дух, ее сознание, ее идеалы.

На Юге России так называемый журнально-литературный бум, связанный с публикацией «возвращенной литературы» и социально-исторической самоидентификацией, пришелся на середину 90-х, когда наряду с воспрявшим «Вайнахом» стали выходить «Глагол Кавказа»,

«Литературная Адыгея» и др. К началу 2000-го ситуация, однако, переменилась. Общественно-психологическое напряжение и проблема выживания, обусловленные локально-хаотичными военными действиями, террористическими актами, гримасами прожиточного минимума, наконец, цинизмом самого «реформирующего ума», привели к закономерному исходу: читателю не стало дела до происходящего в литературно-культурном бытии. Этому способствовал и наплыв жирных, похабных, обескураживающе-эпатажных изданий, подавивших жизнотворящую «самость» Сеятелей и Хранителей и загнавших всю Южную Россию в некий мировой угол.

А что же ныне? Да то, что кровеносная система журнальных и литературных организмов по-прежнему жива и пульсирует, в меру сил обеспечивая региональной литературе и публицистике единое информационно-творческое поле. Посме-

ем сказать, что журнальная площадь национальных изданий, выходящих в свет чудовищными урывками, несет образ народа в его исконной полноте гораздо более отчетливо, нежели другие средства массовой коммуникации, замешанные на чужой истории и заемных преданиях. Авторы – поэты, прозаики, публицисты, ученые, педагоги, просто начинающие литераторы – не всегда художественно и социально всеильны, но всякий малый чистый голос, не различимый дальше околицы, – это живой и необходимый капилляр в системе Большого Национального кровообращения.

Именно так воспринимает «творческий продукт», соединяющий «свое» и «чужое», не утратившая «нормального» мироощущения публика: если «свои» перья пишут по своим углам собственный Дом, то народ не безличен и надо все делать для того, чтобы продолжалась его История.

Примечания:

1. Анненков П.В. Гоголь в Риме летом 1841. М., 1989. 688 с.
2. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988. 544 с.
3. Полное собрание русских летописей. Т. 24. Пг., 1921. 272 с.
4. Соловьев С.М. История Руси с древнейших времен. Т. 1. М., 1993. 768 с.
5. Тхагазитов Ю. Духовно-культурные основы кабардинской литературы. Нальчик, 1994. 248 с.
6. Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906. 219 с.

References:

1. Annenkov P.V. Gogol in Rome in summer of 1841. M., 1989. 688 pp.
2. The history of the North Caucasian peoples since ancient times to the end of the 18th century. M., 1988. 544 pp.
3. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 24. Pg., 1921. 272 pp.
4. Solovjov S.M. The history of Russia since ancient times. Vol. 1. M., 1993. 768 pp.
5. Tkhagazitov Yu. Spiritual and cultural foundations of Kabardian literature. Nalchik, 1994. 248 pp.
6. Shakhmatov A.A. Korsun legend of Vladimir's christening. SPb., 1906. 219 pp.